

Андрей Колосов — эпизод 4 из 12

Я хотел доказать Колосову, что я умел молчать не хуже Гаврилова... Но, признаюсь, любопытство сильно меня мучило. Подходя к крыльцу домика, я увидел в освещенном окне стройный образ девушки... Она, казалось, нас ждала и тотчас исчезла. Мы вошли в темную и тесную переднюю. Кривая, горбатая старушка вышла к нам навстречу и с недоумением посмотрела на меня. Иван Семеныч дома? спросил Колосов. Дома-с. Дома! раздался густой мужской голос из-за двери. Мы перешли в залу, если можно назвать залой длинную, довольно грязную комнату; старое небольшое фортепьяно смиренно прижалось к уголку подле печки; несколько стульев торчало вдоль стен, некогда желтых. Посреди комнаты стоял мужчина лет пятидесяти, высокого роста, сутуловатый, в замасленном шлафроке. Я взглянул на него попристальнее: угрюмое лицо, волосы щетиной, низкий лоб, серые глаза, огромные усы, толстые губы... Хорош гусь! подумал я. Давненько не видали мы вас, Андрей Николаич, промолвил он, протягивая к нему свою безобразную красную руку, давненько! А где Севастьян Севастьянович? Гаврилов умер, печально проговорил Колосов, Умер? вот те на! А это кто? Мой родственник честь имею представить: Николай Алекс... Хорошо, хорошо, перебил его Иван Семеныч, рад, очень рад. А в карты играет? Играет, как же! Ну и прекрасно; мы вот сейчас и засядем. Эй! Матрена Семеновна, где ты? карточный стол поскорей!.. Да чаю! С этими словами г-н Сидоренко пошел в другую комнату. Колосов посмотрел на меня. Послушай, сказал он, мне бог знает как совестно!.. Я зажал ему рот. Что ж вы, батюшка, как вас зовут, пожалуйста сюда, воскликнул Иван Семеныч. Я вошел в гостиную. Гостиная была еще меньше столовой. На стенах висели какие-то уродливые портреты; перед диваном, из которого в нескольких местах высовывалась мочалка, стоял зеленый стол; на диване восседал Иван Семеныч и тасовал уже карты; подле него, на самом кончике кресел, сидела сухощавая женщина в белом чепце и черном платье, желтая, сморщенная, с подслеповатыми глазками и тонкими кошачьими губами. Вот, сказал Иван Семеныч, рекомендую; прежний-то умер; Андрей Николаевич привел другого; посмотрим, как он играет! Старуха неловко поклонилась и раскашлялась. Я оглянулся; Колосова уже не было в комнате. Полно тебе кашлять, Матрена Семеновна, овцы кашляют, проворчал Сидоренко. Я сел; игра началась. Господин Сидоренко ужасно горячился и бесился при малейшей моей ошибке; осыпал сестру упреками; но она, по-видимому, успела привыкнуть к любезностям своего братца и только помаргивала глазами. Однако ж, когда он объявил Матрене Семеновне, что

она антихрист, бедная старуха вспыхнула. Вы, Иван Семеныч, проговорила она с сердцем, супругу свою Анфису Карповну уморили, а меня не уморите! Будто? Нет, не уморите. Будто? Нет! не уморите! Таким образом они довольно долго перебранивались. Мое положение было, как изволите видеть, не только незавидно, но даже просто глупо; я не понимал, зачем Колосову вздумалось привести меня... Я никогда не был хорошим игроком; но тут я сам чувствовал, что играю из рук вон плохо. Нет! повторял беспрестанно отставной поручик, далеко вам до Севастьяныча! Нет! вы рассеянно играете! Я, разумеется, внутренне посылал его ко всем чертям. Эта попытка продолжалась часа два; меня обыграли в пух. Перед концом последнего роббера услышал я за своим стулом легкий шум оглянулся и увидел Колосова; подле него стояла девушка лет семнадцати и с едва заметной улыбкой посматривала на меня, Набей-ка мне трубку, Варя, проворчал Иван Семеныч. Девушка тотчас порхнула в другую комнату. Она была не очень хороша собой, довольно бледна, довольно худа; но я и прежде и после не видывал ни таких глаз, ни таких волос. Мы кое-как доиграли роббер; я расплатился. Сидоренко закурил трубку и возопил: Ну, теперь пора ужинать! Колосов представил меня Варю, то есть Варваре Ивановне, дочери Ивана Семеныча. Варя сконфузилась; и я сконфузился. Но Колосов, по своему обыкновению, в несколько мгновений привел всё и всех в порядок: усадил Варю за фортепьяно, попросил ее сыграть плясовую и пустился отхватывать казачка взапуски с Иваном Семенычем. Поручик вскрикивал, топал и выкидывал ногами такие непостижимые штуки, что сама Матрена Семеновна расхохоталась, раскашлялась и ушла к себе наверх. Горбатая старушонка накрыла стол; мы сели ужинать. За ужином Колосов рассказывал разные вздоры; поручик смеялся оглушительно; я исподлобья поглядывал на Варю. Она глаз не сводила с Колосова... и я по одному выражению ее лица мог догадаться, что она и любит его и любима им. Губы ее были слегка раскрыты, голова немножко нагнулась вперед, по всему лицу играла легкая краска; она изредка глубоко вздыхала, вдруг опускала глаза и тихонько смеялась... Я радовался за Колосова... А между тем мне было, чёрт возьми, завидно...

После ужина мы с Колосовым тотчас взялись за шапки, что, однако ж, не помешало поручику, позевывая, сказать нам: Вы, господа, засиделись; пора вам и честь знать. Варя проводила Колосова до передней. Когда же вы придете, Андрей Николаевич? шепнула она ему. На днях, непременно. Приведите ж и его, прибавила она с весьма коварной улыбкой. Как же, как же... Покорнейший слуга! подумал я...

На возвратном пути узнал я следующее. Месяцев шесть тому назад Колосов довольно странным образом познакомился с господином Сидоренко. В один дождливый вечер Колосов возвращался домой с охоты и подходил уже к ...ой

заставе, как вдруг в недалеком расстоянии от дороги он услышал стоны, прерываемые проклятиями. С ним было ружье; не думая долго, отправился он прямо на крик и нашел на земле человека с вывихнутой ногой. Этот человек был господин Сидоренко. С большим трудом проводил он его до дому, поручил его попечениям испуганной сестры и дочери, сбегал за доктором... Между тем настало утро; Колосов едва мог стоять на ногах от усталости. С позволения Матрены Семеновны он бросился на диван в гостиной и проспал часов до восьми. Проснувшись, он тотчас хотел было уйти домой; но его удержали и напоили чаем.